

СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ГЛАЗАХ РОССИЯН: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Н.Е. Тихонова

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”; главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва. Для связи с автором: ntihonova@hse.ru

Тихонова Н.Е. Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ. — Polis. Политические исследования. 2018. № 5. С. 134-149. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.11>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00218-II) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре РАН.

Статья поступила в редакцию: 26.03.2018. Принята к печати: 11.06.2018

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния и динамики представлений россиян о соотношении интересов государства и прав человека в период с середины 1990-х годов по 2017 г. На данных ряда общероссийских репрезентативных исследований показано, что в 1990-е годы, несмотря на отказ государства от выполнения некоторых своих ключевых функций, в общественном сознании в силу инерционности нормативно-ценностных систем продолжало сохраняться традиционное для России доминирование нормы о приоритетности интересов государства по отношению к правам человека. Однако в конце 1990-х годов начался процесс изменения отношения россиян к праву государства на реализацию своих интересов в ущерб правам человека (и, следовательно, к легитимности государственного насилия в отношении граждан), а также к праву человека защищать свои интересы любыми способами. В 2000-е годы этот процесс ускорился, и к настоящему моменту впервые в новейшей истории страны норма о приоритетности интересов государства по отношению к правам человека утратила свое доминирование. Сейчас российское общество расколото в этом отношении на две полярные группы, насчитывающие примерно по 20% населения каждая, а также “молчаливое большинство”, не имеющее четко выраженной позиции по данному вопросу. Для России такая ситуация знаменует начало “тихой революции”, последствия которой могут быть колоссальны, поскольку норма о приоритетности интересов государства по отношению к правам человека заложена в основание “институциональной матрицы” обществ неократического типа. В статье продемонстрировано, что для позиции сторонников приоритетности прав человека в России не характерен интерес к политическим правам и демократическим свободам, и речь для них идет в этом контексте прежде всего о правах социально-экономического характера. Кроме того, они, как и россияне в целом, убеждены в непригодности западного пути развития для нашей страны.

Ключевые слова: общественное сознание; права человека; интересы государства; социокультурная модернизация; политическая модернизация; эволюция мировоззрения россиян; нормативно-ценностные системы; социокультурная динамика.

Происходящие в России социально-политические процессы с точки зрения эволюции норм и ценностей ее населения можно интерпретировать

через призму различных теоретических подходов (модернизации, культурной специфики цивилизаций и т.д.). Однако многолетние попытки осмысления данных почти трех десятков общенациональных социологических опросов¹, руководителем и участником которых мне довелось быть за последние десятилетия, убедили меня в том, что внутренне непротиворечиво объяснить их позволяет только концепция модернизации. Модернизацию я понимаю в ее неомодернизационной трактовке², т.е. как “протекающий в разнообразных формах и с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные общества достигают состояния модерна посредством не только экономической, политической, социальной и культурной, но и социокультурной модернизации” [Тихонова 2013: 25]. Под последней подразумевается “формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, включая прежде всего распространение индивидуализма и достижительных ценностей, а также рационального типа мышления, что, в совокупности, и создает базу для формирования новых социальных институтов” [там же].

Применение теории модернизации к России, в которой более ста лет назад церковь была отделена от государства, а более полувека назад завершилась урбанизация и городское население стало преобладать над сельским, на первый взгляд может показаться неуместным. Однако в последние десятилетия, судя по структуре занятости, в России растет первичный сектор экономики и сокращается доля вторичного. Экономический рост очень неустойчив и до сих пор, как правило, не основан на конкурентных началах. Право частной собственности зависит от взаимоотношений с властью и имеет условный характер. Доля сельского населения слишком велика для индустриально развитой страны и составляет около четверти населения, не меняясь уже почти 40 лет. Еще 30 лет назад прекратился рост численности грамотного населения. Увеличивается доля людей, верящих в Бога, и т.д. Все это и многое другое свидетельствует: хотя модернизационный рывок времен И. Сталина ценой огромных жертв позволил вывести страну в число индустриальных держав, но уже к 1970-м годам этот рывок “захлебнулся”, и дальнейшие попытки реформ не смогли уничтожить затормозившие его барьеры.

Один из ключевых барьеров – незавершенность в России процессов социокультурной модернизации (см. об этом [Тихонова 2008а; 2008b; 2013]). Напомню, что общинная форма землевладения и организации общественных отношений охватывала подавляющее большинство населения нашей страны

¹ Имеются в виду исследования, проведенные одной и той же исследовательской группой, в разные годы работавшей в составе Российского независимого института социальных и национальных проблем, Института комплексных социальных исследований РАН, Института социологии РАН и Института социологии ФНИСЦ РАН. Данные этих исследований будут частично использованы в настоящей статье с соответствующими ссылками на них.

² В связи с этим надо уточнить, что большинство российских исследователей, говоря о модернизации в различных сферах жизни российского общества (экономики – Е.Г. Ясин; (этно)политических процессов – Э.И. Паин и Л.М. Дробизева; демографических проблем – А.Г. Вишневский; социокультурной сферы и институтов – А.С. Ахиезер, Н.И. Лапин, Т.И. Заславская, В.Э. Бойков, С.Г. Кирдина, С.В. Цирель, в сфере искусства – И.В. Побережников и т.д.), придерживались именно позиции неомодернизма. При этом логика общего развития соответствующих исследований в России такова, что от анализа проблематики экономической модернизации центр внимания постепенно сместился к проблемам социокультурной модернизации, в состоянии которой все большее число ученых начинает усматривать причину торможения экономических и политических реформ.

еще в начале XX в., всего 90 лет назад большинство россиян было неграмотным и, судя по социологическим данным, большинство современного взрослого населения страны прошло первичную социализацию в селах и поселках городского типа – а ведь процесс формирования системы новых ценностей и норм занимает не одно поколение.

Главной причиной “зависания” модернизационных процессов в России выступают не столько сами по себе нормы и ценности³ населения, сколько определяющий их и характерный для нашей страны тип социума, предполагающий сращенность отношений власти и собственности при ведущей роли власти [Васильев 1993; Нуреев, Латов 2011; Плискевич 2006; Шкаратан 2009]. На индивидуальном уровне при этом может идти (и довольно активно идет [Атлас... 2016; Культура... 2011; Латова 2016; Магун, Руднев, Шмидт 2015]) принятие ценностей модерна или, по крайней мере, отказ от традиционалистской системы ценностей. Эти процессы приходят в противоречие с существующим в России типом социума и обусловленной им системой норм, отторгаются ими. Это порождает своего рода ценностный конфликт, который вынуждает россиян менять свои представления не только о межличностных отношениях и жизненном успехе, но и о неформальных нормах, регулирующих взаимоотношения человека и государства и определяющих представления населения страны о его оптимальной модели, а также запросы и ожидания россиян по отношению к нему.

В данной статье исследуются специфика некоторых ключевых норм в области взаимоотношений человека и государства в России, особенности их динамики в последние годы и оценка этой динамики в контексте теории неомодернизации, говорящей о специфике перехода разных цивилизационных ареалов мира от разнообразных типов традиционных обществ к еще более разнообразным обществам модерна. При этом факт, что эти нормы могут далеко не всегда соблюдаться на практике, не имеет в данном случае принципиального значения, поскольку задача предпринятого анализа – понять не то, как изменяется реальное поведение людей, а то, как в российской культуре меняются сами представления о соотношении интересов государства и прав человека.

***

Существующая в России модель социума с точки зрения свойственной ей нормативно-ценностной системы и основанных на ней институтов характерна для традиционных обществ, хотя и вступивших уже в эпоху своей трансформации. Во всяком случае именно к такому выводу можно прийти при сравнении результатов работы ряда исследовательских групп над проблематикой культурной специфики России. Прежде всего это исследования норм и ценностей, предпринятые такими известными российскими учеными и научными группами, как Н. Лапин и Л. Беляева, В. Ядов и Е. Данилова, Н. Лебедева и А. Татарко, В. Магун и М. Руднев, Н. и Ю. Латовы и другие. Эти исследования осуществлялись в разные годы, с помощью разнообразных методик⁴

³ Речь идет о нормах как некоем долженствовании в противовес ценностям как эмоционально окрашенным и имеющим этическое наполнение элементам культуры.

⁴ Я имею в виду прежде всего широко используемые во всем мире методики Ш. Шварца и Г. Хофстеде, причем в различных их интерпретациях (как классических, так и модифицированных), а также ряд методик, разработанных отечественными учеными.

и на различных массивах данных, а опросы в них подчас имели даже мониторинговый характер⁵.

Наиболее точным определением этой модели социума представляется “нео-”, или “позднеэтакратическая”, т.е. модель, основанная на сращенности отношений власти и собственности. Именно на этой ее особенности базируется вся свойственная этому типу обществ “институциональная матрица” [Кирдина 2000], позволяющая характеризовать их как социумы, еще не прошедшие (или не завершившие) этап модернизации. Я неоднократно подробно описывала характерную для российской версии этой модели систему норм и представлений, определяющих взаимоотношения государства и отдельного человека, а также специфику социокультурной динамики в этой области в нашей стране [Тихонова 2008а; 2008b; 2013]. Давали ее характеристику, причем применительно к различным социальным группам, и другие авторы (см., например [Мареева 2012; 2013]), поэтому не буду останавливаться детально на ее описании. Отмечу лишь, что *государство в рамках этой системы норм – инструмент реализации интересов макрообщности, чьи интересы важнее интересов отдельных индивидов, и именно ее интересами как целого оно и должно руководствоваться в своей деятельности*. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом, в том числе и через институты парламентской демократии, уметь отстаивать свои интересы, как это характерно для стран Запада, а стоящее над этими частными интересами государство, выражающее общий единый интерес, должно “балансировать” интересы различных групп и на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности. Именно в силу права и долга государства представлять интересы макрообщности в целом отдельные граждане должны проявлять к нему максимальную лояльность и признавать его право вмешиваться в их жизнь, даже если это означает нарушение их прав. Однако легитимность особой роли государства в системе норм и ценностей россиян, в том числе и легитимность государственного насилия, основывается для них на выполнении последним своих ключевых функций. *Главные же функции государства в восприятии россиян – не только адекватно выразить и реализовывать стратегические интересы макрообщности, но и заботиться о минимальных текущих нуждах ее членов, для чего оно должно иметь соответствующие ресурсы, обеспечивающиеся сохранением за ним “командных высот” в экономике* [Тихонова 2008а; 2008b; 2013].

Эти представления о роли и функциях государства, как и вытекающие из них неформальные нормы, регулирующие отношение к нему граждан, длительное время были очень устойчивы и доминировали в общественном сознании россиян, в том числе и молодых, судя по данным исследований, по крайней мере до начала 2010-х годов [Мареева 2013; Тихонова 2013]. В 2012 г.⁶ 60% россиян считали, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности. Еще больше было тех, кто считал, что предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следу-

⁵ Об этом же говорят и исследования в таких симптоматичных для оценки этапа социокультурной динамики обществ областях, как динамика гендерных ролей и распределения власти в семье в российском обществе [Лежнина, 2018].

⁶ Использованы данные общероссийского исследования ИС РАН “О чем мечтают россияне?” (март-апрель 2012 г.; объем выборочной совокупности – 1 750 респондентов).

ет национализировать (78%), и даже на ограничение свободы СМИ и прямое влияние на суд ради реализации интересов государства была согласна половина россиян (51 и 50% соответственно). В то же время, будучи в целом еще весьма лояльными к государству, россияне уже тогда в массе своей все же считали, что человек должен не просто ждать от государства “милости”, но и иметь право самому отстаивать свои интересы. Правда, при этом доля согласных с тем, что человек должен иметь право на отстаивание своих интересов с помощью столь активных действий, как забастовки и демонстрации (55%), была в полтора раза ниже, чем доля в принципе признающих за ним право на их отстаивание вопреки позиции большинства (77%). При этом около трети (37%) полагали, что человек не должен иметь права на забастовки и демонстрации, если есть угроза общественному порядку. Учитывая, что опрос, данные которого приведены выше, проходил всего через несколько месяцев после бурной осени 2011 г., эти данные говорят о неоднозначности доминирования уже в начале 2010-х годов интересов государства по отношению к правам человека и о сосуществовании в общественном сознании в тот момент сразу двух альтернативных моделей приоритетов – с одной стороны, приоритета интересов государства, имеющего право всеми методами эти интересы отстаивать, а с другой – интересов отдельного человека, также имеющего право, с точки зрения большинства россиян, бороться за свои интересы даже способами, представляющими угрозу общественному порядку. Среди молодых поколений россиян прослеживалась чуть большая приверженность второй позиции, хотя о радикальном противостоянии их средним и старшим поколениям россиян в этом вопросе говорить применительно к ситуации начала 2010-х годов нельзя.

О том, как сложилось это противоречие, допускающее одновременно и диктат государства, и право рядовых граждан бороться с ним за свои интересы, говорит изменение рассматриваемых показателей за период с середины 1990-х до начала 2010-х годов. Так, по отношению к середине 1990-х годов⁷ в 2012 г. выросла доля сторонников прав человека на свою позицию и активное ее отстаивание (на 6-7%) и, одновременно, уменьшилась доля тех, кто считал: 1) что государство имеет право ограничить свободу СМИ, если они нарушают интересы государства (на 6%); 2) что правительство для защиты государственных интересов может влиять на правосудие (на 5%); 3) что государству следует национализировать предприятия, если они наносят ущерб интересам государства (на 2%). При этом изменения эти пришлись на 2000-е годы, а в 1990-е годы упомянутые выше показатели практически не менялись. Так, в период с 1995 по 1998 гг., несмотря на растущее недовольство россиян реализуемой руководством страны стратегической линией ее развития и падение уровня их доверия к государству в целом, эти показатели изменились лишь на 1-2%. Такая динамика свидетельствует, что “механизм” изменений в этой области, раз “запустившись” в конце 1990-х годов, постепенно набирал в 2000-е годы инерцию движения. В итоге в начале 2010-х годов, еще до экономического кризиса 2014-2016 гг., доля сторонников приоритетности интересов отдельного человека по отношению к интересам государства в сравнении с 1990-ми годами заметно

⁷ Речь идет о данных общероссийского исследования РНИСиНП “Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов” (октябрь 1995 г., N=1462).

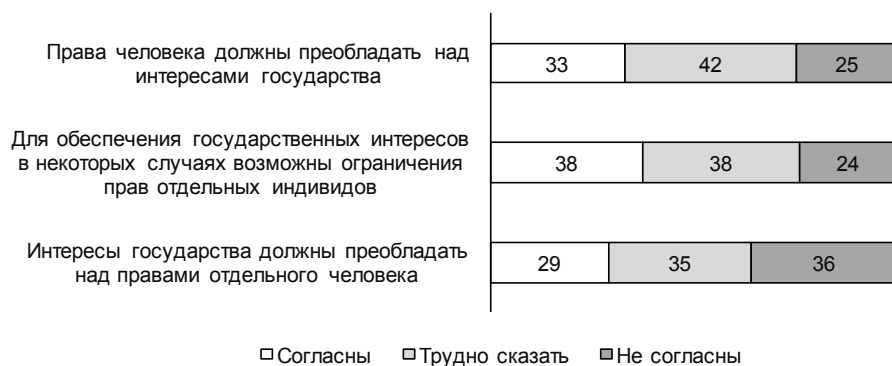
увеличилась, а доля сторонников приоритетности интересов государства и его всевластия — сократилась, хотя доминирующей оставалась норма о приоритетности интересов государства, а не прав человека.

Что же произошло с распространенностью норм, обеспечивающих легитимность российской модели взаимоотношений государства и отдельного человека в середине непростых для России 2010-х годов? Судя по имеющимся данным, движение от приверженности идеи всевластия государства к поддержке приоритетности соблюдения прав человека в это время резко ускорилось. В итоге доля согласных с тем, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, упала с 51% в 2012 г. до 32% в 2017 г.⁸, доля противников права человека на участие в забастовках и демонстрациях для защиты своих интересов в случае, если эти действия создают угрозу общественному порядку, сократилась с 37 до 29% и т.д.

В результате этих изменений среди россиян не стало четкого доминирования сторонников какой-либо из точек зрения по вопросу приоритетности интересов государства или прав человека — более трети населения вообще не имеют по нему четко выраженной позиции, а остальные делятся примерно поровну на две полярные группы (см. рис. 1). Таким образом, традиционный для эпохи модернизационных преобразований переход от нормы о приоритетности коллективных интересов к приоритету индивидуальных интересов достиг в России точки “неустойчивого равновесия”.

Рисунок 1 (Figure 1)

Представления россиян о соотношении интересов государства и прав человека, 2017 г., %
Russians' Views on the Balance Between State Interests and Human Rights, 2017, per cent

О том, что во взглядах россиян по вопросу о приоритетности интересов государства или прав человека уже нет четкой определенности, свидетельствуют и данные табл. 1: далеко не все сторонники приоритетности как интересов государства, так и прав человека занимают последовательную позицию — таковых в обеих группах лишь около половины.

⁸ Здесь и далее, если не оговорено иное, использованы данные седьмой волны Мониторингового общероссийского исследования Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенной в октябре 2017 г. (N=4000, репрезентировавших население страны в возрасте от 18 лет по регионам проживания (территориально-экономическим районам согласно районированию ФСГС РФ), а внутри них — по полу, возрасту и типу поселения).

Таблица 1 (Table 1)

Неоднозначность взглядов россиян из разных мировоззренческих групп на соотношение интересов государства и прав человека, 2017 г., %*
Ambiguity of Views on the Balance Between State Interests and Human Rights in Groups of Russians with Different Mindset, 2017, per cent

Группы	Сторонники приоритетности интересов государства	Не согласные с приоритетностью интересов государства	Не имеющие определенной позиции в этом отношении
Сторонники приоритетности прав человека	20	55	22
Не согласные с приоритетностью прав человека	49	19	11
Не имеющие определенной позиции в этом отношении	31	27	68

*Заливкой выделены ядра групп, члены которых делают последовательный выбор в дилемме “интересы государства” – “права человека”.

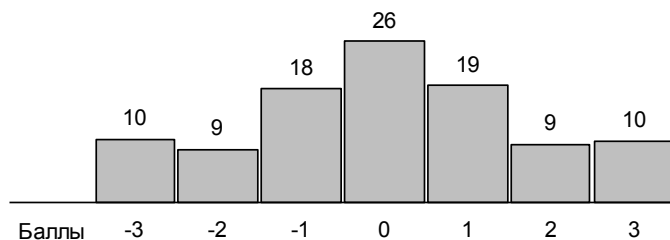
Все это позволяет сделать два важных вывода. *Во-первых*, судя по эмпирическим данным, модель взаимоотношений государства и отдельного индивида, характерная для обществ традиционного типа, в России вступила сейчас в фазу своего разложения. Это приводит к противоречивости и неоднозначности позиций россиян в данном вопросе. *А во-вторых*, для россиян сегодня многое зависит при оценке конкретных фактов противостояния интересов государства и прав человека от контекста, и каждый случай может получить разную оценку. Это значит, что нормативная модель взаимоотношений государства и человека, соответствующая этапу модерна с характерным для него ростом индивидуализма, в современном российском обществе еще не сформировалась. И каким будет тот “русский модерн”, который как особый проект развития общества Россия могла бы предложить миру, пока неясно. Понятно лишь, что это будет не западная модель с характерным для нее повышенным вниманием к демократическим процедурам в ущерб социально-экономическим правам человека. Понятно и то, что роль коллективных интересов в этой модели будет напрямую зависеть от позиции и поведения современных российских элит, деятельность которых (в отличие от позиции президента страны) скорее раскалывает, чем сплачивает в последние десятилетия общество, тем самым способствуя распространению в нем индивидуалистических ценностей и настроений. Но в любом случае это будет и не нынешняя модель, и в ней *потребуется значительное расширение легитимных форм борьбы отдельных людей и социальных групп за свои права. Причем формы эти должны будут отражать те новые представления о допустимых “правилах игры”, которые только начинают складываться в российском обществе.*

Еще нагляднее особенности нынешнего этапа трансформации нормативной модели взаимоотношений человека и государства в России видны при анализе взглядов россиян на соотношение их прав и интересов с использованием специальных индексов, в частности Индекса приоритетности интересов государства / прав человека (Индекс ПИГ/ПЧ), в основу которого легла семибалльная шкала. Для его построения я использовала три показателя:

1) отношение к норме, согласно которой интересы государства должны преобладать над правами отдельного человека; 2) отношение к норме, согласно которой права человека должны преобладать над интересами государства и 3) отношение к возможности исключений при применении этих альтернативных норм, т.е. к тому, что иногда для обеспечения государственных интересов возможны ограничения прав отдельных индивидов. Показатель в -3 балла соответствует на лежащей в основе Индекса ПИГ/ПЧ шкале взглядам наиболее последовательных сторонников приоритетности интересов государства, а в 3 балла — взглядам наиболее последовательных сторонников приоритетности прав человека. Показатели же в диапазоне от -1 до 1 балла соответствуют отсутствию четкой позиции по вопросу о приоритетности интересов государства или прав человека. Поэтому в дальнейшем как полярные группы в данной статье рассматриваются, с одной стороны, те россияне, показатели Индекса ПИГ/ПЧ которых по данной шкале находились в диапазоне от -3 до -2 балла⁹, а с другой — те, чьи показатели по ней составляли $2-3$ балла. Эти группы в современном российском обществе практически равны по численности (около 20% каждая)¹⁰. Более того, как видно на рис. 2, население страны симметрично распределено по отношению к центру рассматриваемой шкалы, и в этом смысле можно сказать, что *российское общество расколото практически поровну*.

Рисунок 2 (Figure 2)

Распределение россиян по показателям Индекса ПИГ/ПЧ, 2017 г., %
Distribution of Russians According to the Priority of State Interests /
Human Rights Index, 2017, per cent

В то же время в 1998 г., когда доверие к государству было на очень низком уровне и рейтинг Б.Н. Ельцина составлял менее 10% , численность согласных с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, была почти вчетверо больше, чем не согласных с ущемлением прав человека даже ради общих интересов. Таким образом, в последние 20 лет в общественном сознании произошло кардинальное переосмыс-

⁹ Имеющие по Индексу ПИГ/ПЧ показатели в -2 и в 2 балла — последовательные сторонники одной из рассматриваемых альтернативных точек зрения, хотя они готовы сделать отдельные исключения при применении той основной регулирующей взаимоотношения государства и индивида нормы, сторонниками которой они являются.

¹⁰ Остальные россияне составляют неопределившуюся пока в этом вопросе “середину”, распадающуюся на две подгруппы. Одна из них насчитывает 26% , и ее представители вообще не имеют никакой позиции по вопросу о приоритетности интересов государства и прав человека. Вторая (37%) — это те, кто имеет довольно смутное и неопределенное мнение по данному вопросу, что отражается на нашей шкале в показателях -1 или 1 балл.

ление значимости прав человека в их соотнесенности с интересами государства. В результате этого впервые в истории страны норма о приоритетности интересов государства по отношению к правам человека утратила свое доминирование. Учитывая же набранную инерцию этого движения, о которой упоминалось выше, можно ожидать дальнейших весьма радикальных сдвигов в этой области.

Быстрое изменение “баланса сил” сторонников альтернативных позиций во взглядах на соотношение интересов государства и прав человека происходит в первую очередь за счет динамики взглядов молодых россиян, хотя затрагивает не только их¹¹ (см. рис. 3). Среди россиян, родившихся до конца 1950-х годов, основная часть жизни которых пришлось на советский период, когда государство в целом соответствовало традиционным для национальной культуры представлениям о смысле и функциях его существования, и сейчас характерно доминирование убежденности в приоритетности интересов государства. Для средних поколений характерно практически одинаковое распределение по полюсам шкалы приоритетности интересов государства / прав человека. Что же касается молодежи, и особенно молодежи до 25 лет, то для нее характерно безусловное доминирование признания приоритетности прав человека по отношению к интересам государства.

Рисунок 3 (Figure 3)

Доля представителей различных мировоззренческих групп среди россиян из разных возрастных когорт, 2017 г., %
Share of Representatives of Groups with Different Mindset among Russians from Different Age Cohorts, 2017, per cent

В целом доля сторонников прав человека среди молодежи до 30 лет включительно в октябре 2017 г. была почти вдвое больше, чем сторонников приоритетности интересов государства, в то время как по группе от 61 года и старше это соотношение было обратным. В то же время еще в начале 2010-х годов возраст в гораздо меньшей степени влиял на представления россиян о соот-

¹¹ Остальные факторы влияют на этот процесс в меньшей степени, чем возраст. Так, например, если говорить о месте проживания, то в Москве последовательными сторонниками приоритетности прав человека выступали в октябре 2017 г. 26%, а в сельской местности – 17%. Еще меньше влияет на этот показатель уровень образования человека, причем максимальна доля сторонников приоритетности интересов государства среди лиц с высшим образованием – 22% при 18% у имеющих общее среднее образование. Немного сильнее влияет на размывание представлений о приоритетности интересов государства включенность в информационные технологии, однако на этом влиянии сказывается скорее возраст, чем “информационная продвинутость”, поскольку старшие возраста в меньшей степени включены в цифровые технологии, чем молодежь.

ношении интересов государства и прав человека — и у 18-25-летних, и у россиян старше 60 лет большинство было согласно с приоритетностью интересов государства по отношению к правам человека.

Это заставляет предполагать, что по мере вступления во взрослую жизнь подрастающих поколений зафиксированная тенденция смещения “баланса сил” в противостоянии сторонников приоритетности интересов государства и прав человека усилится. Такая ситуация чревата подрывом того ценностного единства поколений, которое существовало в российском обществе вплоть до начала 2010-х годов. Более того — через пять-семь лет сторонники приоритета прав человека будут заметно доминировать по отношению к сторонникам приоритетности интересов государства в масштабах всей страны, причем в отдельных группах (прежде всего среди молодежи крупных городов) это доминирование будет безусловным. Такие изменения в системе базовых норм россиян, регулирующих их отношения с государством, обозначат подлинную революцию, масштабы и последствия которой будут колоссальны, поскольку любые институты базируются на легитимизирующих их нормах.

Тот факт, что отношение россиян к приоритетности интересов государства или прав человека тесно связано с другими базовыми нормативными компонентами их мировоззрения, в том числе определяющими нелегитимность деятельности такого базового института, как судебная система, хорошо просматривается уже сейчас. Так, среди сторонников приоритетности интересов государства в 3,5 раза чаще можно встретить тех, кто убежден, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства (см. табл. 2). Более чем в два раза больше среди них по отношению к сторонникам приоритетности прав человека и согласных с тем, что “жесткие требования различных общественных групп к правительству могут повредить всеобщему благополучию” и что “гражданин не должен иметь право на забастовку и проведение демонстраций, если есть угроза общественному порядку”. Кроме того, убеждение, что “каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций”, встречается среди сторонников приоритетности интересов государства в 1,6 раза реже, чем среди сторонников приоритетности прав человека: у последних ее разделяют 70%, а среди первых таковых менее половины — 44%. Однако меньшинство это, как видим, довольно внушительное. Фактически среди приведенных в табл. 2 норм есть сейчас всего две, отношение к которым качественно отличает представителей двух рассматриваемых полярных мировоззренческих групп — это отношение к праву власти влиять на суды и к праву граждан отстаивать свои интересы при помощи любых активных действий. При этом динамика в этой области говорит скорее о сближении двух рассматриваемых групп, чем об углублении противоречий между ними.

Итак, характер различий в нормативных системах сторонников приоритетности интересов государства или прав человека, тренд изменений в этой области и нынешнее соотношение этих групп в составе населения страны в целом говорят о том, что очень скоро обоснованные с их точки зрения протестные действия будут легитимны даже в глазах большинства сторонников приоритетности интересов государства, не говоря уже о сторонниках приоритетности прав человека. Это повлечет за собой принципиальное изменение отношения

Россия сегодня населения к легитимности “государственного насилия” и ущемлению прав личности, особенно учитывая растущий запрос на независимость судов.

Таблица 2 (Table 2)

**Распространенность согласия с отдельными нормами
в разных мировоззренческих группах, 2017 г., %**

(отранжировано по показателю разрыва в доле сторонников соответствующих норм)

Agreement with Norms in Groups with Different Mindset, 2017, per cent

(ranked by the gap in the share of supporters)

Нормы и оценки	Сторонники приоритета интересов государства	Сторонники приоритета прав человека	Разрыв, раз
Правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства	53	15	3,5
Гражданин не должен иметь право на забастовку и проведение демонстраций, если есть угроза общественному порядку	44	19	2,3
Жесткие требования различных общественных групп к правительству могут повредить всеобщему благополучию	49	22	2,2
Задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказать помощь в его работе	71	63	1,1
России необходима судебная система, которая одинаково относится ко всем	82	90	0,9
Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции	56	68	0,8
Каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	44	70	0,6

Отдельно стоит отметить, что *есть базовые нормы, относящиеся к сфере взаимоотношений индивида и государства, распространенность которых в двух рассматриваемых мировоззренческих группах очень близка*. Это нормы, с одной стороны, отражающие специфику и самобытность развития российского социума. Таково, например, представление о роли и функциях оппозиции в российском обществе, предполагающее как ее обязательное наличие, так и тот факт, что она должна не бороться с правительством или конкурировать с ним за власть, а помогать ему в работе, корректируя его действия или обращая внимание на выпадающие из поля его зрения острые проблемы. С другой же стороны, это нормы, отражающие в условиях неэффективности определенных институтов современного российского общества сформировавшийся во всех группах населения запрос к власти на повышение эффективности ее деятельности. К таким запросам, в частности, относится запрос на построенную на принципах равенства всех перед законом судебную систему (см. табл. 2). В любом случае это нормы, относящиеся к деятельности тех институтов, которые должны будут характеризовать в будущем проект российской версии модерна и которые пока, к сожалению, в нашей стране отсутствуют.

Связано отношение к приоритетности интересов государства или прав человека и с оценками представителями этих групп конкретных событий

в жизни страны или отдельных государственных деятелей. Так, например, заметно различаются у них оценки В.В. Путина и его возможностей. Если среди сторонников приоритетности интересов государства подавляющее большинство (78%) уверены в том, что в ходе его четвертого президентского срока ему удастся повысить уровень жизни населения, то среди сторонников приоритетности прав человека таких меньшинство — 47%. Различно в этих группах и видение других возможностей В.В. Путина в улучшении положения в социальной сфере — в том, что он сможет улучшить положение дел в здравоохранении, образовании и пенсионном обеспечении, уверены 72% представителей первой группы и лишь 45% — второй. Качественные различия между двумя этими группами характеризуют и их оценки возможностей решения В.В. Путиным таких проблем, как снижение уровня коррупции и утверждение законности и правопорядка, с одной стороны, и преодоление социального неравенства — с другой (соответствующие показатели составляют 63 и 41% для коррупции и 51 и 32% для социального неравенства). Неудивительно, что среди сторонников приоритетности прав человека лишь 36% поддерживают его деятельность, в то время как среди сторонников приоритетности интересов государства таких 62%.

То, что модель развития страны, которая персонифицируется в образе В.В. Путина, скептически воспринимается сторонниками приоритетности прав человека, приводит к тому, что основной запрос на перемены сосредоточен именно среди них — 62% их (при 48% среди ориентированных на приоритетность интересов государства) считают, что страна нуждается сейчас в существенных переменах. При этом они ждут ряда достаточно кардинальных изменений — от переориентации с обеспечения державной мощи на обеспечение благополучия рядовых граждан до улучшения ситуации с неравенствами или уменьшения масштабов коррупции (см. рис. 4). По отношению к существующему в России типу социума эти устремления означают, по сути, “тихую революцию” ожиданий, за которой последует и перестройка ряда социальных институтов¹², тем более что запрос на перемены в наибольшей степени представлен среди молодежи — о необходимости перемен в октябре 2017 г. говорили 62% россиян до 25 лет включительно и 59% — 26-30-летних.

В то же время говорить о высокой значимости демократических ценностей для российских сторонников приоритетности прав человека по отношению к интересам государства было бы неверно — для них гораздо важнее экономические свободы. Среди них заметно больше тех, кто готов принять участие в массовых митингах и демонстрациях в защиту экономических прав граждан, чем в защиту демократических прав и свобод — 25 против 19% соответственно. Политикой они вообще интересуются сравнительно мало — лишь 21% их внимательно следят за политической информацией в стране. Это намного меньше, чем среди сторонников приоритетности интересов государства по отношению к правам человека (31%). Не характерна для группы сторонников приоритетности прав человека и ориентация на Запад — запрос на сближение со странами Запада и выход из внешнеполитической изоляции для них мало актуален (11%). Даже смягченная версия “западноориентированной” позиции, предполагающая, что Россия, безотносительно к ее взаимоотношениям с другими странами, должна двигаться к тому образу жизни, который харак-

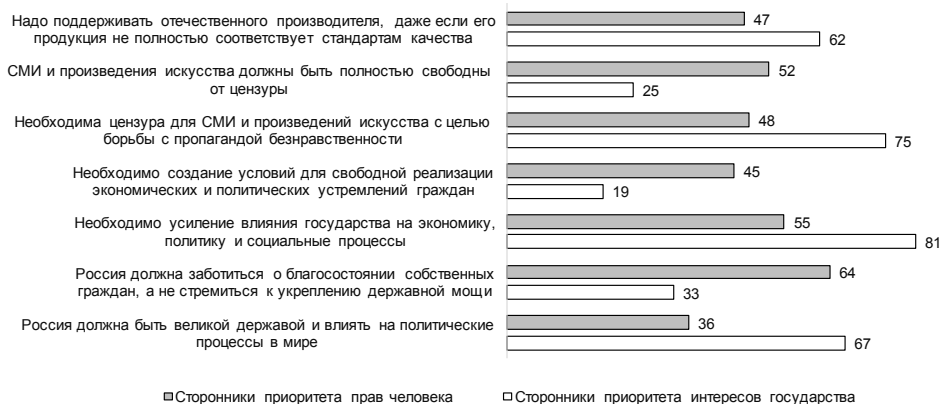
¹² О глубинных причинах этой “тихой революции” см. [25 лет... 2018].

терен для европейских стран, разделяется среди них меньшинством, хотя и встречается чаще, чем у сторонников приоритетности интересов государства (41 и 28% соответственно). Все это также говорит о том, что западный путь модернизации не будет поддержан в российском обществе никакими массовыми социальными группами и нашей стране надо искать собственный путь.

Рисунок 4 (Figure 4)

Отношение к некоторым нормам в различных мировоззренческих группах, 2017 г., %

Attitude to Certain Norms in Groups with Different Mindset, 2017, per cent

***

В последние годы в России наблюдается парадоксальное на первый взгляд явление — на фоне консолидации общества на патриотической платформе началось довольно активное переосмысление значимости прав человека в их соотносении с интересами государства. Фактически российское общество раскололось по этому критерию на две полярные группы, насчитывающие примерно по 20% населения каждая, а также “молчаливое большинство”, не имеющее четко выраженной позиции по данному вопросу. Для России такая ситуация знаменует собой начало “тихой революции”, последствия которой могут быть колоссальны. Более того — поскольку быстрое изменение “баланса сил” сторонников приоритетности интересов государства и прав человека происходит в первую очередь за счет младших возрастных когорт, то уже в ближайшем будущем можно ожидать дальнейших сдвигов в этой области, особенно в крупных городах, и прежде всего в Москве. В этих условиях особого внимания заслуживает выпадающий пока и из поля зрения политологов, и из поля зрения социологов вопрос о новых неформальных нормах, которые начинают формироваться буквально на наших глазах, регулируют сферу отношений человека и государства и легитимизируют те или иные их действия.

В то же время важно понимать сущность позиции сторонников приоритетности прав человека в России, поскольку она существенно отличается от позиции традиционных правозащитников, для которых на первом месте стоят разного рода политические права и демократические свободы. Для ориентированных же на права человека слоев населения в нашей стране речь идет скорее о правах социально-экономического характера. Кроме того, среди сторонников приоритетности прав человека в разы чаще, чем среди

сторонников приоритетности интересов государства, можно встретить тех, кто убежден, что правительство не должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, даже если этого требуют интересы государства, или согласных с тем, что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций. Что же касается оценок сегодняшней ситуации, в частности отношения к деятельности В.В. Путина как президента страны, то сторонники приоритетности интересов государства настроены скорее позитивно, а сторонники приоритетности прав человека – скорее скептически.

Можно сделать общий вывод: государство пока еще остается, хотя и с серьезными оговорками, для большинства “рядовых россиян” инструментом реализации интересов общности людей, живущих на территории России, и на этом основано в их глазах его право на “легитимное насилие”. Однако многократные попытки российской элиты превратить его в “спящего сторожа”, а также выполнение государством своих социальных обязательств вразрез с существующими в обществе представлениями о справедливости привели за последние четверть века к началу кризиса этой традиционной для отечественной культуры модели взаимоотношений государства и индивида, ускорили неизбежное в процессе модернизационных преобразований переосмысление в общественном сознании роли государства и соотношения его интересов с правами человека. Как будут выглядеть те нормы, на которых будет строиться новая легитимная для россиян модель взаимоотношений государства и человека – вопрос открытый, и нам предстоит стать свидетелями формирования этих норм уже в ближайшее десятилетие.

---

25 лет российских реформ. 2018. Под общ. ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир. 384 с.

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. 2016. Лапин Н.И. (сост. и отв. ред.). М.: Весь Мир. 360 с.

Васильев Л.С. 2011. *Эволюция общества. Типы общества и их трансформация.* М.: КДУ. 206 с.

Кирдина С.Г. 2000. *Институциональные матрицы и развитие России.* М.: ТЕИС. 213 с.

Латова Н.В. 2016. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда). – *Вестник Института социологии.* № 19. С. 155-179.

Лежнина Ю.П. 2018. Семья и дети в жизни россиян: динамика представлений о желаемом и реальность. – *Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя.* М.: Весь Мир. С. 92-113.

Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. 2015. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян. – *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии.* Т. 121. № 3-4. С. 74-93.

Мареева С.В. 2012. Нормативно-ценностная система россиян: специфика и динамика. – *Общественные науки и современность.* № 3. С. 22-32.

Мареева С.В. 2013. Динамика нормативно-ценностных систем россиян: возрастной срез. – *Социологические исследования.* № 7. С. 120-130.

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. 2011. Когда и почему разошлись пути развития России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории). – *Мир России: Социология, этнология.* Т. 20. № 4. С. 24-67.

Плискевич Н.М. 2006. “Власть—собственность” в современной России: происхождение и перспективы мутации. — *Мир России*. Т. 15. № 3. С. 62-113.

Тихонова Н.Е. 2013. Динамика социокультурной модернизации в России. — *Социологическая наука и социальная практика*. № 1. С. 24-34.

Тихонова Н.Е. 2008а. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа). Статья 1. — *Общественные науки и современность*. № 2. С. 5-23.

Тихонова Н.Е. 2008б. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа). Статья 2. — *Общественные науки и современность*. № 3. С. 5-20.

Ценности культуры и модели экономического поведения. 2011. Под общ. ред.: Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: Спутник+. 390 с.

Шкаратан О.И. 2009. Становление постсоветского неозакратизма. — *Общественные науки и современность*. № 1. С. 5-22.

DOI: [10.17976/jpps/2018.05.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.11)

BALANCE OF STATE INTERESTS AND HUMAN RIGHTS IN PERCEPTION OF RUSSIANS: EMPIRICAL ANALYSIS

N.E. Tikhonova^{1,2}

¹National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

²Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

TIKHONOVA Natalia Evgen'evna, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Professor-Researcher, National Research University Higher School of Economics; Principal Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Email: ntikhonova@hse.ru

Tikhonova N.E. Balance of State Interests and Human Rights in Perception of Russians: Empirical Analysis. — Polis. Political Studies. 2018. No. 5. P. 134-149. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.11>

Acknowledgements. The research was supported by RSF (project No. 14-28-00218-II) in FRSC of the Russian Academy of Sciences.

Received: 26.03.2018. Accepted: 11.06.2018

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current state and dynamics of Russians' views on the relationship between state interests and human rights from mid-1990s through 2017. On the basis of a series of all-Russian representative surveys it is shown that in the 1990s, despite the state's refusal to fulfill some of its key functions, domination of the norm of the priority of the state interests over human rights (traditional for Russia) still remained due to the inertia of the norms and values system. However, in the late 1990s the process of changes in Russians' attitude to the right of the state to realize its interests at the cost of human rights (and, consequently, its right to legitimize violence against citizens), as well as to the right of individual to have his own interests and to protect them in any way, was initiated. In the 2000s, this process accelerated, and now, for the first time in the recent history of Russia, the norm of the priority of state interests over human rights has lost its dominance. The Russian society is currently split into two polar groups comprising about 20% of population each, while the rest of the population forms the “silent majority” without any clear position on this issue. For Russia, such situation marks the beginning of a “silent revolution,” the consequences of which can be enormous, since in neo-etocratic societies the norm of priority of the state interests over human rights lies in the foundation of their “institutional matrix”. It is also demonstrated that interest in political rights and democratic freedoms is not a feature of supporters of the human rights priority in Russia; for them, it is primarily about socio-economic rights. Moreover, they, like Russians in general, are largely convinced that the Western way of development is unsuitable for our country.

Keywords: public conscience; human rights; state interests; socio-cultural modernization; political modernization; evolution of Russians' mindset; norms and values system; socio-cultural dynamics.

References

25 let rossiiskikh reform [25 Years of Russian Reforms]. Ed. by Gorshkov M.K., Petukhov V.V. Moscow: Ves Mir. 2018. 384 p. (In Russ.)

Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy [The Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Tendencies and Problems]. Ed. by Lapin N.I. Moscow: Ves Mir. 2016. 360 p. (In Russ.)

Cennosti kul'tury i modeli ehkonomicheskogo povedeniya [Values of culture and models of economic behavior]. 2011. Ed. by Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Moscow: Sputnik+. 390 p. (In Russ.)

Kirdina S.G. *Institutional'nye matritsy i razvitie Rossii* [Institutional Matrices and Development of Russia]. Moscow: TEIS. 2000. 213 p. (In Russ.)

Latova N.V. Cultural specificity of Russians (Ethnometric Analysis Based on the Concept of G. Hofstede). — *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2016. No. 19. P. 155-179. (In Russ.)

Lezhnina Yu.P. Sem'ya i deti v zhizni rossiyan: dinamika predstavlenii o zhelaemom i real'nost' [Family and Children in the Lives of Russians: the Dynamics of Desired and Reality]. — *Stolitsy i regiony v sovremennoi Rossii: mify i real'nost' pyatnadsat' let spustya* [Capitals and Regions in Modern Russia: Myths and Reality: Fifteen Years After]. Moscow: Ves Mir. 2018. P. 92-113. (In Russ.)

Magun V.S., Rudnev M.G., Schmidt P. European Value Typology and Basic Values of Russians. — *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*. 2015. Vol. 121. No. 3-4. P. 74-93. (In Russ.)

Mareeva S.V. Dynamics of Normative-Value Systems of Russians: the Age Section. — *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2013. No. 7. P. 120-130. (In Russ.)

Mareeva S.V. Normative-Value System of Russians: Specificity and Dynamics. — *Social Sciences and Contemporary World Journal*. 2012. No. 3. P. 22-32. (In Russ.)

Nureev R.M., Latov Yu.V. When and Why the Ways of Development of Russia and Western Europe Disbanded (Approach from the Position of Institutional Economic History). — *Mir Rossii*. 2011. Vol. 20. № 4. P. 24-67. (In Russ.)

Pliskevich N. "Power-property" in Modern Russia: the Origin and Prospects of Mutation. — *Mir Rossii*. 2006. Vol. 15. No. 3. P. 62-113. (In Russ.)

Shkaratan O.I. Formation of Post-Soviet Neoetaktatism. — *Social Sciences and Contemporary World Journal*. 2009. No. 1. P. 5-22. (In Russ.)

Tikhonova N.E. Dynamics of Socio-Cultural Modernization in Russia. — *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2013. No. 1. P. 24-34. (In Russ.)

Tikhonova N.E. Socio-Cultural Modernization in Russia (Experience of Empirical Analysis). Article 1. — *Social Sciences and Contemporary World Journal*. 2008. No. 2. P. 5-23. (In Russ.)

Tikhonova N.E. Socio-Cultural Modernization in Russia (Experience of Empirical Analysis). Article 2. — *Social Sciences and Contemporary World Journal*. 2008. No. 3. P. 5-20. (In Russ.)

Vasiliev L.S. *Evolyuiciya obshchestva. Tipy obshchestva i ih transformaciya* [Evolution of society. Types of society and their transformation]. M.: KDU. 2011. 206 p. (In Russ.)